

станет его любимым художественным образом.

Источники и литература

1. Айвазовский И.К. Альбом репродукций / Автор вступ. статьи и сост. Барсамов Н. – М.: Гос. изд-во изобразит. искусства, 1955. – С. 3–7.
2. Айхенвальд Ю. Иван Бунин // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – С. 419–436.
3. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917 г.). – М.: Худож. лит., 1983. – 351 с.
4. Барсамов Н. Море в русской живописи. – Симферополь: Крымиздат, 1956. – 235 с.
5. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1967.
6. Гусев В.А. Море как символ свободы и вечности в русской прозе конца XIX века // Морской вектор в судьбах России: история, философия, культура: IV Крымские Пушкинские чтения. – Симферополь, 1994. – С. 31–32.
7. Дубовникова В.Ф. Музыка в жизни и творчестве Бунина // Бунинский сборник. – Орёл, 1974. – С. 118–143.
8. Зябрева Г.А. Морская символика в образно-философской системе бунинской прозы // Морской вектор в судьбах России: история, философия, культура: IV Крымские Пушкинские чтения. – Симферополь, 1994. – С. 106–108.
9. Кузнецова Г. Грасский дневник. – М.: Московский рабочий, 1995. – 410 с.
10. Литературное наследство. Иван Бунин. – Т. 84. – Кн. 1. – М.: Наука, 1973. – 696 с.
11. Мальцев Ю. Иван Бунин. – М. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. – 442 с.
12. Марков Е.Л. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. – Симферополь – М.: Таврия – Культура, 1994. – 544 с.
13. Морской вектор в судьбах России: история, философия, культура: IV Крымские Пушкинские чтения. – Симферополь, 1994. – 125 с.
14. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства. – Запорожье: СП «Верже», 1996. – 171 с.
15. Паустовский К.Г. И. Бунин // И. Бунин. Повести, рассказы, воспоминания. – М.: Моск. рабочий, 1961. – С. 3–18.
16. Сливницкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004. – 269 с.
17. Яценко Т.А. Цветовая гамма моря в поэзии И. Бунина // Морской вектор в судьбах России: история, философия, культура: IV Крымские Пушкинские чтения. – Симферополь, 1994. – С. 70–72.

Дроздова С.А.

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ КОНЦЕПТА

В связи с тем, что естественный язык представляет собой одно из средств выражения знаний о мире, можно говорить о том, что он сложнейшим образом переплетается с этими знаниями, которые глубоко «врастают» в схемы памяти человека. Проблемы представления знаний в языке на современном этапе развития лингвистики являются чрезвычайно актуальными и рассматриваются в новом аспекте с опорой на когнитивность.

Важно отметить, что в настоящее время многие лингвисты [О.В. Александрова, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.] отмечают интегративный характер гуманитарных наук, проявляющийся в создании новых междисциплинарных связей (лингвистики и культурологии, лингвистики и семиотики, лингвистики и социологии, лингвистики и психологии и др.) и свидетельствующий о «...контурах новой парадигмы научного знания, складывающейся на рубеже двух столетий в языкознании и важной уже в том отношении, что, как всякая новая парадигма знания, она приносит с собой и новые задачи в освещении языка, и новые методики его описания, и новые подходы в анализе его конкретных уровней, категорий, единиц и правил...» [1, 187]. Когнитивная наука как наука о представлении знаний и обработке информации является междисциплинарной наукой и объединяет разные научные направления для интерпретации определенных аспектов человеческого сознания, связанных с оперативным мышлением и процессами познания мира.

Следует отметить, что понятие «когнитивность» неразрывно связано с понятием «концепт», единства в определении и понимании которого среди исследователей до сих пор нет.

В настоящее время существует четыре основных направления, каждое из которых имеет свой взгляд на определение термина «концепт»: культурологическое, философское, психолингвистическое, собственно лингвистическое. Важно подчеркнуть, что данные направления не противопоставлены друг другу, а связаны между собой.

1. Культурологический подход к исследованию концептов [работы Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Ю. Лотмана, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова и др.], с одной стороны, связан с философией (поскольку предметом изучения являются такие ценностные концепты, как судьба, жизнь, свобода и др.), с другой стороны - с лингвистикой (так как анализируются данные концепты прежде всего в текстах художественной литературы). Странники данного направления по-разному представляют концепт. Так, по мнению Ю.С.

Степанова, концептом является «...как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее...» [2, с. 40].

Н.Д. Арутюнова также рассматривает концепт как явление, на развитие которого оказывают влияние такие факторы, как жизненный опыт, традиции, идеология, ценности, присущие тому или иному обществу: концепты представляют собой своего рода культурный слой, находящийся между человеком и миром. Исследователь подчеркивает, что не всякое явление реальной действительности может служить базой для образования концепта, а лишь то, которое становится объектом оценки: «...оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству...» [3, с. 181]. Н.Д. Арутюнова приходит к выводу, что оценка должна ориентироваться на человека: «...мир существует для человека, а не человек для мира»... [3, 181]. Исследователь В.И. Карасик предлагает рассматривать концепт в качестве основной единицы лингвокультурологии. По его мнению, концепт представляет собой «...смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны...» [4, с. 129].

С другой стороны, исследователь В.В. Красных рассматривает концепт как «...некую максимально абстрагированную идею «культурного предмета...», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации с ним связанные [5, с. 272].

В рамках данного направления важно привести позицию Ю.С. Степанова, предлагающего свою методику исследования концепта, согласно которой необходимо выделение: 1) основного, актуального признака; 2) дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся историческими; 3) внутренней формы, запечатленной во внешней, словесной форме [6, с. 44].

2. Философское направление [Ж.Делез, Ф.Гваттари, П.Рикер, М.Фуко и др.] также занимается проблемами поиска объективаций сознания в языке. Так, П.Рикер «В статье, что меня занимает последние 30 лет» предлагает такое понимание языка, которое позволяет выявить его философскую ценность [цит. по 7]. В свою очередь Ж. Делез и Ф. Гваттари в исследовании «Что такое философия?» рассматривают термин «концепт», представляющий, по мнению авторов, некий сгусток смысла, некое пространственное образование, событие, присущее только философии. Исследователи выделяют концепт в качестве некой сети, протянутой философом сквозь вечный хаос, в узелках которой образуются завихрения, не утрачивающие бесконечной скорости и в процессе движения приобретающие некую консистенцию, которая и становится концептом. В их понимании концепт – это философская идея, «...неразделимость конечного числа составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью...» [8, 32].

3. Психолингвистическое направление [работы А.П. Бабушкина, Д.Б. Гудкова, В.З. Демьянкова, Н.И. Жинкина, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, Ю.А. Сорокиной и др.] рассматривает концепт как явление ментального плана, представляющее собой «...оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике...» [9, с. 90]. Представители данного направления отмечают, что концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода (терминология Н.И. Жинкина), иначе говоря концепты появляются как чувственные образы, постепенно приобретающие абстрактное значение. Так, изучая взаимоотношения между значениями и концептами, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что они имеют достаточно сложный характер в связи с тем, что слово или действие становится концептом только в процессе коммуникации, поскольку именно она приводит в движение «пучок» представлений, ассоциаций, переживаний, сопровождающих данное «ключевое слово» или действие.

Е.А. Селиванова предлагает рассматривать концепт как «...ментально-психонетический комплекс – определенным образом организованная, разносубстратная единица знаний, включенная в сознание человека и его коллективное бессознательное и выделяющаяся... в концептосистеме для описания мотивирующей базы внутреннего программирования наименований...» [10, с. 112]. Исследователь подчеркивает, что языковые структуры эксплицируют компоненты концепта и представляют собой лишь часть знаний, часть информации об объекте.

Важным, на наш взгляд, является предложение В.В. Красных о том, что всю информацию, хранящуюся в сознании человека, можно представить в виде некой «базы данных» [терминология В.В. Красных], которая являет собой совокупность знаний и представлений на уровне национального сообщества [11]. Думается, в определенной степени эта позиция близка взглядам Д.С. Лихачева, а также Е.В. Рахилиной, в частности отмечающей, что главным свойством концептов является их неизоллированность, связанность с другими такими же концептами [12, с. 3].

Таким образом, по мнению сторонников данного подхода, концепты формируют знания о мире в виде неких «квантов», которыми оперирует человек в процессе мышления [13, с. 92].

4. С лингвистических позиций исследование концепта было начато С.А. Аскольдовым-Алексеевым, опубликовавшим в 1928 году статью «Концепт и слово». В данной работе автор одним из первых поставил проблему соотношения концепта и слова и определил «концепт как заместитель»: «...концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. ...Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов,... он может быть заместителем разного рода хотя бы весьма точных, но чисто мысленных функций... Концепты – это эмбрионы мысленных операций, которые в своем раскрытии могли бы занять часы, дни, иногда месяцы...» [цит. по 14, 83-97]. В данной работе исследователь подчеркивает, что термин «кон-

цепт» имеет два вида – «общее представление» и «понятие».

В основном принимая взгляды С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» [1997] отмечает, что концепт существует не для самого слова, а для каждого словарного значения и определяет концепт как «алгебраическое» выражение значения. Слова же, как вербальная форма концептов, по мнению автора, составляют концептосферу национального сознания. Д.С. Лихачев подчеркивает зависимость концептосферы народа от культуры нации, ее фольклора, литературы, науки, исторического опыта, религии [15, с. 3-9].

Основоположники Воронежской семантической школы, И.А. Стернин и З.Д. Попова в исследовании «Очерки по когнитивной лингвистике» предлагают для характеристики концепта использовать следующее определение: «...концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои; соответствующие признаки или слои концепта могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека...» [16, с. 37].

В настоящее время на изучение концепта, концептуальной и языковой моделей мира направлены исследования Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова, А. Вежбицкой, Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака, Е.В. Падушевой, З.Д. Поповой, Л.Н. Синельниковой, И.А. Стернина и др.

Совершенно новое, коммуникативное, определение концепта, связанное с принципами интертекстуальности, предлагает Г.Г. Слышкин в работе «От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов»: «...концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминирован культурой и опредмечивается в языке...» [17, с. 9]. Это определение, основанное на «...процессе результатов *опытного* [курсив наш – С.Д.] познания действительности до пределов человеческой памяти и соотношения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, идеологии, искусстве и т. д...» [17, с. 10] связано с одним из актуальных вопросов современной концептологии – соотношением понятий «концепт» и «ценность».

Исследователи по-разному подходят к вопросу взаимоотношения концепта и значения. Так, С.Г. Воркачев, признавая концепт планом содержания языковых единиц, отмечает, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию (прежде всего это указание на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка – его парадигматические, синтагматические, словообразовательные связи, а также всю прагматическую информацию языкового знака, связанную с его экспрессивной функцией) [18].

С другой стороны, лингвисты, в частности Н.Н. Болдырев, отмечают, что достаточно часто люди владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, то есть концептов и концептуальных признаков. Коммуниканты используют их в качестве готовых клише в несвойственных для них контекстах, совершенно не задумываясь, какое именно значение закреплено в сознании большинства людей за тем или иным словом [19].

Таким образом, каждое из направлений по-своему рассматривает понятие «концепт», что, естественно, находит отражение в дефиниции самого термина; однако достаточно сложно провести четкую границу между вышеназванными подходами, поскольку они взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга следующими основными положениями:

1. к числу концептов относят семантические образования, обладающие определенной лингвокультурной спецификой, а также, по наблюдению Ю.С. Степанова, тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры [20, с. 76].
2. под концептами понимаются ключевые слова, значения которых составляют основное содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка. Совокупность подобных концептов образует, по мнению Д.С. Лихачева, концептосферу языка. По определению А. Вежбицкой, ключевые слова являются особенно важными и показательными для отдельно взятой культуры. Исследователь отмечает, что ключевое слово, во-первых, должно быть общеупотребительным, во-вторых, часто использоваться в какой-то одной семантической области, например, в сфере эмоций, в-третьих, должно находиться в центре фразеологического семейства и, в-четвертых, часто встречаться в пословицах, поговорках, популярных песнях и т.д. [21, с. 283]. По мнению Ю.Н. Караулова, ключевые слова, выступающие в качестве символа для большой семантической общности, играют роль своего рода смысловых вех, поэтому их можно выделять благодаря достаточно частому употреблению и разворачиванию вокруг них крупных семантико-тематических групп лексики [22].

Такое многообразие точек зрения, отмечает В.И. Карасик, свидетельствует о том, что в настоящее время лингвистика вышла на территорию, которая традиционно закреплена за представителями смежных наук (психологии, социологии и культурологии), в результате чего возникли такие области языкознания, как социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология [23, с. 4], и концепт как одно из ключевых понятий данных исследований в настоящее время находится в центре внимания.

Действительно, подчеркивают Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова, «...ключевые понятия когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, - это понятия ИНФОРМАЦИИ и ее обработки человеческим разумом, понятия структур знания и их репрезентации, с одной стороны, в сознании человека, а с другой, в ЯЗЫКОВЫХ ФОРМАХ...» [24, с. 192]. Таким образом, исследование знаний о мире, получивших интерпретацию в языке (языковая модель), и знаний, не имеющих языкового выражения (концептуальная модель), одинаково важны как средства, выражающие концепт, прямо или косвенно иллюстрирующие,

уточняющие и развивающие его содержание.

Однако, замечают авторы работы «Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира», следует помнить о том, что «...концептуальная модель мира шире и богаче языковой модели мира, и потому, определяя сферы их соприкосновения, мы изображаем сферу языковой модели мира как подчиненную концептуальной модели мира...» [25, с. 145]. В этом случае на первый план выходит проблема соотносимости понятий, выраженных словами разных языков, поскольку нередко возникает иллюзия, что понятия существенно отличаются, если они выражены разными словами, и наоборот, так называемые интернациональные слова (демократия, конституция и т.п.) якобы выражают единый общепонятный концепт [26, с. 7].

Действительно, вопрос о взаимоотношении означающего и означаемого исследуется классической семасиологией, отмечающей, что, если слово имеет несколько значений, они обязательно должны различаться в каждом из контекстных употреблений. Однако исследования, опирающиеся на коммуникативно-функциональный подход, свидетельствуют о том, что когнитивные структуры не обязательно привязаны к определенному языковому знаку, поскольку одна и та же когнитивная структура может выражаться с помощью различных значений одного и того же слова (полисемия) или значений разных слов (синонимия). С другой стороны, когнитивная структура может объединять несколько слов или же выражаться грамматическими значениями [27, с. 16]. Таким образом, вполне вероятно, что различные значения одного и того же слова могут относиться к одной когнитивной структуре.

Данное положение ранее рассматривалось и другими исследователями. Так, например, В.А. Звегинцев в монографии «Семасиология» [1957] отмечал, что лексическое значение в слове одно, однако оно проявляется не однозначно, а в нескольких потенциальных типовых сочетаниях, характеризующих единое смысловое целое, в совокупности они составляют лексическое значение слова, в котором закрепляется результат определенного обобщения [28, с. 125-126].

Д.Н. Шмелев также отмечал нецелесообразность поиска «общего значения», которое, с его точки зрения, представляет собой неизменное смысловое ядро, сохраняемое при употреблении слова в любом значении. Наличие подобного «общего значения» у слова маловероятно, подчеркивал исследователь, вследствие того, что свойственное слову значение в большинстве случаев соотносит его с разными семантическими группами слов, в результате чего возникают различные частные значения [29, с. 76-78].

Настоящий вопрос соотносим с обсуждением известной проблемы о соотношении выражения и значения языкового знака. В этом плане, на наш взгляд, интересной является точка зрения русского лингвиста Карцевского С.О., который, оперируя понятиями обозначающего и обозначаемого, отмечает, что «...обозначающее стремится иметь, кроме своей собственной функции, еще и другие функции, а обозначаемое стремится иметь не только одно средство выражения в языке, но и множество других...» [цит. по 30, 252]. Использование когнитивного подхода в описании многозначных слов позволяет определить само понятие «общее значение», выступающее в качестве связующего звена между концептом и его частными реализациями. Как правило, в каждом отдельном значении многозначного слова отражаются характерные черты явления, обобщенные данным словом. Каждое отдельное значение многозначного слова представляет собой обобщение, которое регулируется «общим значением» и является отдельной деталью в общей картине лексического значения, демонстрирующего часть концепта, репрезентируемого данным лексическим значением. На данное явление указывают в своих работах исследователи, занимающиеся проблемами когнитивной лингвистики [А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Е.В. Падучева, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.].

Так, И.А. Стернин и З.Д. Попова отмечают, что языковая единица-репрезентант представляет собой материальную базу определенного концепта и выражает лишь его часть, так как ни один концепт не выражается в речи полностью, поскольку концепт является результатом индивидуального познания, а индивидуальное требует комплекса средств для своего полного выражения. Кроме того, концепт представляет собой нежестко структурированную объемную единицу, выразить которую полностью просто невозможно, поэтому всегда что-то останется не зафиксированным и, следовательно, неучтенным [31, с. 11].

Изучение семантических составляющих слова позволяет выстроить структуру концептуальных признаков, охватывающих ядро концепта и располагающихся индивидуально у каждой личности [32]. Следует отметить, что концепты вербализуются в языке лексемами, взаимосвязанными друг с другом, каждая из которых обозначает собой лишь определенную часть, отдельный признак концепта. Данные совокупности наименований объединяются в своего рода открытые смысловые поля (тезаурусы), пополняющиеся или утрачивающие некоторые элементы в результате функционирования концепта.

В результате изучения лингвистической литературы по когнитивистике можно сделать вывод, что исследователями предлагаются различные модели проведения концептуального анализа. Однако в настоящее время концептуальный анализ не определен достаточно четко, поэтому, хотя работы по исследованию концептов и объединены общей целью, пути к достижению этой цели представлены разные.

Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин, А. Вежицкая, С.Е. Никитина и др. для изучения концепта рекомендуют первоначальное проведение исследования ключевого слова, являющегося ядром одноименного концепта, выявление возможностей лексической сочетаемости ключевого слова посредством изучения традиционных, нетрадиционных, переносных употреблений лексем; выведение гештальтов как целостной сущности, объединяющей чувственные и рациональные элементы; выведение фреймов как «структуры данных для представления стереотипной ситуации» [33] и др.

В.В. Красных приходит к выводу о том, что, помимо языковых клише и речевых штампов, «существуют также и психологические феномены такого рода: клише и штампы сознания». При изучении ментально-психической природы данных когнитивных феноменов возможно выделение определенной фрейм-

структуры, представляющей собой когнитивную единицу, представляющей собой «пучок» предсказуемых векторов валентности [34, с. 133]. В этом плане, отмечает В.В. Красных, представляется возможным приложить данные понятия к системе прецедентных феноменов, определенное сочетание которых «составляют ту призму, тот «...магический кристалл», сквозь который мы смотрим на окружающий мир и оцениваем его...» [34, 143].

Ю.А. Степанов предлагает свою методику проведения концептуального анализа, состоящую из выделения: 1) основного, актуального признака; 2) дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся историческими; 3) внутренней формы, запечатленной во внешней, словесной форме [35, с. 44].

И.М. Кобозева в отличие от вышеназванных методик анализирует современное употребление концептов, отмечая, что скрытые от непосредственного наблюдения различия между рассматриваемыми концептами проявляются в виде доступных для анализа различий в сочетаемости соответствующих лексем [36, 309].

Таким образом, методы, используемые для анализа концептов, различаются как трактовкой ведущего термина «концепт», так и конкретными исследовательскими задачами. Несмотря на это, в настоящее время концептуальный анализ активно используется для исследования лексики и фразеологии, хотя его целостная методика находится в процессе становления.

Источники и литература

1. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике. // Доклады VII Межд. конф. «Структура и семантика художественного текста». – М., 1999. – С. 186–197.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 989с.
3. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3–6.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, Кучково поле, 2001.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 989с.
7. Давыдова В.Ю. Дискурсивный анализ власти М. Фуко // Труды науч. конф. «Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть». – Ялта – Симферополь, 2001. – С. 58–60.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – СПб.: Алетейя, 1998. – 288с.
9. КСКТ - Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
10. Пристайко Т.С. Лексико-номинативная организация специального текста. – Днепропетровск: Уко Имапрес, 1996. – 200 с.
11. Красных В.В. Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1997. – С. 128–144.
12. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН, Сер. лит. и яз., 2000. - № 3. - С. 3–21.
13. КСКТ - Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
14. Межкультурная коммуникация. Практикум. Ч.1. – Нижний Новгород, 2002. – 230 с.
15. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН – СЛЯ – 1993. – № 1. – С. 3–9.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 189с.
17. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
18. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – М., 2001. – №.1 – С. 64–72.
19. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001. – С. 25–36.
20. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 989с.
21. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
22. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 365 с.
23. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
24. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике. // Доклады VII Межд. конф. «Структура и семантика художественного текста». – М., 1999. – С. 186–197.
25. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – 1988. – 216 с.
26. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 432с.
27. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. – Сер. лит.-ра и яз., 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11–21.
28. Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: изд-во МГУ, 1957. – 261 с.
29. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
30. Будагов Р.А. История слов в истории общества. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.

31. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2000. – 31с.
32. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 189с.
33. КСКТ - Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
34. Красных В.В. Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1997. – С. 128–144.
35. См. 34
36. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 989с.
37. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 989с.
38. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 2000. – С. 303-359.

Дук П.О.

ГУМОРИСТИЧНИЙ ВІРШ У РАКУРСІ КОГНІТИВНО-ДИСКУРСИВНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Малі літературно-художні форми комічної спрямованості, наприклад, анекдот, епіграма, афоризм, байка та інші не раз ставали об'єктом дослідження в рамках лінгвостилістики та лінгвістики тексту [7, 8, 11; 1; 5, 9], проте питання когнітивно-дискурсивної природи таких текстів потребує подальшої розробки. З цієї точки зору німецькомовний гумористичний вірш є одним із найменш досліджених типів тексту як у вітчизняній, так і у німецькомовній лінгвістиці. Серед досліджень, де згадуються гумористичні вірші, можна назвати лише роботу Х. Хельмерс, у якій вони принаймні фрагментарно розглядаються поряд із багатьма іншими формами комічної поезії [13].

Сучасна лінгвістика розглядає текст як результат дискурсивної, тобто соціально орієнтованої та соціально зумовленої комунікативної діяльності [4, с. 516]. Подібною багатогранністю вирізняється й комічне як явище соціальне, лінгвістичне, комунікативне, психологічне, культурологічне, когнітивне і т. п. [6, с. 138]. Розуміння того, що стильову своєрідність тексту зумовлює насамперед комунікативне середовище, а гумор має когнітивну природу, виводить лінгвостилістичні дослідження комічних текстів на новий, міждисциплінарний рівень і робить їх одним із найбільш ефективних засобів пізнання процесів як лінгвальної, так і позалінгвальної діяльності людини.

Історію комічних поетичних мініатюр можна прослідкувати на кілька століть назад, але наприкінці 20 – початку 21 ст. у зв'язку з появою нових інформаційних і комунікативних технологій та їх удосконаленням гумористичні вірші набули особливого розповсюдження та дещо видозмінились. На сучасному етапі гумористичні вірші матеріалізуються не тільки у збірниках, а й в електронному тексті та існують у віртуальному просторі. Завдяки орієнтації на масового читача та новій формі презентації (переважно через Інтернет) гумористичні вірші стали наприкінці ХХ -ом. важливою складовою гумористичного дискурсу.

Гумористичний тип дискурсу виділено В. Карасиком на підставі прагмалінгвістичних характеристик і визначено як „текст, занурений в ситуацію сміхового спілкування” [3, с. 240-304]. Існування подібного типу дискурсу визнано багатьма сучасними вченими. О. Леонтович вивчає гумористичний дискурс у ракурсі між культурної комунікації [6]. Вітчизняна дослідниця О. Шонь виділяє дискурс гумору, іронії і сатири, відносячи до нього тексти, у яких гумористична чи сатирична критика входить у коло поставлених автором завдань [12]. Розуміння В. Карасиком гумористичного дискурсу, по суті, збігається з поняттям комічного дискурсу у С. Плотнікової [10].

При деяких розбіжностях у термінології ідеї дослідників щодо загальних ознак гумористичного дискурсу загалом збігаються. Визначальними для гумористичного дискурсу є наступні моменти: 1) специфічний тип мовної особистості, що створює цей дискурс, основною характеристикою якої є дотепність, тобто здатність описувати факти, події та явища з точки зору комізму; 2) комунікативний намір учасників відійти від серйозної розмови, зниження рівня серйозності за рахунок відмови від реальності, підкріплене особливим модусом гумористичного дискурсу – його вираженням ігровим характером; 3) гумористична тональність спілкування, тобто прагнення скоротити дистанцію та критично переосмислити у м'якій формі актуальні концепції, викликавши у реципієнта сміх; 4) наявність певних моделей сміхової поведінки, які є вживаними в цій лінгвокультурі [10, с. 165–166; 3, с. 305].

Тип тексту *гумористичний вірш* як узагальнена текстова структура, що виникла в результаті певного комунікативного процесу, тобто як елемент гумористичного дискурсу відображає основні характерні ознаки останнього.

Гумористична тональність є головною (але не єдиною) підставою розглядати тип тексту гумористичний вірш як елемент гумористичного дискурсу. Головною передумовою виникнення гумористичної тональності віршів є налаштованість на несерйозну комунікацію і отримання естетичного задоволення від комічного ефекту, що витікає зі здатності комунікантів до сприйняття реалій у комічному режимі, тобто саме зі специфічного «гумористичного» типу мовної особистості.

На рівні дискурсу гумористична тональність являє собою емоційну атмосферу спілкування, що характеризується дружлюбним відношенням учасників спілкування один до одного, з одного боку, і перевертанням певних цінностей, з іншого боку. По суті гумористична тональність – це взаємна налаштованість